

Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak
Wrocław, Uniwersytet Wrocławski

ТЕМА КАТЫНСКОГО РАССТРЕЛА В РОМАНЕ ЕЛЕНА КАТИШОНОК *ДЖЕК, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ДОМ*

The Theme of the Katyn Massacre in the Novel by Yelena Katishonok *Jack Who Built the House*

ABSTRACT: The article presents an analysis of the thread of Yelena Katishonok's novel *Jack Who Built the House* (2021), related to the theme of the Katyn massacre. In exploring the context and method of incorporating historical material into a literary text, we proceed from the basic concepts of the "New Historicism". In the narrative about the fates of modern heroes, the writer weaves a thread related to the history of Poland, namely the arrests of Polish officers in 1939, the Katyn massacre, the formation of the Polish Anders' Army on the territory of the USSR and the commemoration of the victims in Katyn after the war. The fate of the character associated with this thread, Stanislaw Warzynski, is in many ways the biography of a Polish artist who survived in Katyn, Józef Czapski. Katishonok depicts not only memories of historical events, but above all the efforts of several generations to commemorate the victims.

KEYWORDS: Katyn massacre, Yelena Katishonok, contemporary Russian prose, Russian emigration literature

Jeśli zapomnę o nich, Ty Boże na niebie
Zapomnij o mnie.

Te słowa biją w nas wszystkich, w szatniarki, maszynistów, w każdego Polaka w kraju
i na emigracji, w ministrów. Biją swą groźną wymową i gdybyśmy zawołali wszyscy
o CAŁĄ PRAWDĘ O KATYNIACH I O RATUNEK DLA TYCH, CO JESZCZE ŻYJĄ,
może i my byśmy, jak kiedyś Mickiewicz, w przestrzeniach Rosji znaleźli przyjaciół Moskali
i z ich strony dla spraw tych zrozumienie. (Józef Czapski)¹

Целью статьи стал анализ одной из сюжетных линий романа Елены Катишенок *Джек, который построил дом* (2021), связанной с темой катынского расстрела. Исследуя контекст и способ включения исторического материала

¹ J. Czapski, *Swoboda tajemna*, Warszawa 1991, s. 182. Впервые опубликовано в журнале „Kultura” (Парыж) 1956, № 4 (102).

в художественный текст, мы исходим из основных концептуальных идей «Нового историзма».

Елена Катишонок – русская писательница, родившаяся в Риге, а с 1991 года живущая в Америке. Судьбы персонажей своих произведений она всегда сопрягает с историческими событиями, а осмысление истории проводит на уровне индивидуального понимания героями исторических фактов и их влияния на ход жизни личности. Такой способ введения исторического дискурса наблюдается в саге об Ивановых: *Жили-были старик со старухой* (2006), *Против часовой стрелки* (2009) и *Свет в окне* (2014), а также в произведении *Когда уходит человек* (2011). В новейшем романе Катишонок – *Джек, который построил дом* – обнаруживается схожий подход к истории, причем в тексте вырисовывается более широкое временное и пространственное полотно, охватывающее период с конца XIX до начала XXI века. Отдельные части сюжета помещены в пространство Российской империи, Советского Союза, Польши, Америки, одной из неназванных бывших республик СССР. Обращение к истории в произведении выражается также в особом приеме отсчета времени: его ход иногда обозначается не датами, а очередными важными для мира событиями, не обязательно связанными непосредственно с судьбами героев.

В романе *Джек, который построил дом*, как и в других своих литературных текстах, Катишонок не ограничивает состава персонажей представителями одной нации, а вводит читателей в круг проблем, относящихся к разным этносам и странам. В произведении освещаются в основном вопросы межнациональных отношений, а также исторической памяти о них. В этом аспекте на первый план автор выдвигает одно из главных событий польско-российских отношений в XX веке – катынский расстрел.

Катынь стала для поляков символом политики советского тоталитаризма по отношению к польскому народу². Само название «катынский расстрел», «катынское преступление» – условное, и его приняли для определения массовых убийств польской элиты после захвата восточных земель Польши 17 сентября 1939 года. В апреле – мае 1940 года результатом постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года стал расстрел около 22 тысяч польских граждан, содержащихся в разных лагерях НКВД СССР: Козельском, Старобельском, Осташковском, а также в многочисленных тюрьмах на территории захваченных земель³. В апреле 1941 года начались репрессии по отношению к семьям заключенных. В Сибирь и Казахстан было депортировано около 60 тысяч женщин, детей и старших членов семьи. Советская власть запретила обеспечивать их на месте жильем и работой⁴.

² W.J. Wysocki, *Golgota Wschodu. Rzeczpospolita w imperialnej polityce Rosji*, [w:] *Katyń 1940. Walka o prawdę*, red. W. Lis, Toruń 2012, s. 62-63.

³ A. Przewoźnik, J. Adamska, *Katyń. Zbrodnia, prawda i pamięć*, Warszawa 2010, s. 55-59.

⁴ N. Lebidiewa, *Józef Czapski i jego rodacy w niewoli na „niehumanitarnej ziemi”*, przeł. J. Bernatowicz, [w:] J. Czapski, *Na niehumanitarnej ziemi*, Kraków 2017, s. 445-446.

14 июля 1941 г. был подписан договор о создании Польской армии в СССР. Командование принял освобожденный из тюрьмы генерал Владислав Андерс. Во время переговоров по польско-советскому соглашению генерал Владислав Сикорский неоднократно затрагивал вопрос об освобождении Советским Союзом всех польских военнопленных, число которых оценивалось примерно в 300 000 человек. Представители власти СССР передали формирующимся польским частям около 1500 офицеров и на вопросы о том, что случилось с остальными, давали ложные или уклончивые ответы⁵. Поисками пропавших заключенных руководил уцелевший из Старобельского лагеря Юзеф Чапский, но его старания долго не приносили результатов. Серьезным сигналом стали для него слова заместителя Берии – Меркулова: «Мы сделали большую ошибку», но даже тогда он не подозревал, что польские офицеры были расстреляны⁶.

Общие могилы жертв этого преступления были обнаружены в катынском лесу недалеко от Смоленска в 1943 году разведкой германской группы армии «Центр». Советская сторона не только отвергла обвинения, но и пыталась любой ценой переложить вину на немцев. С тех пор, вплоть до апреля 1990 года, она делала это последовательно, несмотря на попытки поляков раскрыть правду об этом жестоком убийстве. В послевоенной Польше подчиненные коммунистам СМИ лишь повторяли тезисы советской пропаганды. Поэтому версия Москвы охранялась цензурой и не подвергалась никакому общественному обсуждению. Отношение польских властей к катынскому расстрелу со временем стало более жестким, и если раньше о нем можно было писать, указывая на немцев как виновников, то позднее катынское дело стало полностью табуированным⁷. О коммеморации жертв Катыни ни в Польше, ни в СССР не могло быть и речи.

Власти Советского Союза начали менять свою позицию по отношению к катынскому преступлению весной 1989 года. Примерно в это же время до советской общественности стала доходить официальная информация о настоящих причинах и виновниках расстрела⁸. Эта тема появилась в работах историков и публицистов, была представлена на выставках во многом благодаря сотрудничеству общества «Мемориал» с польской стороной⁹. Особые заслуги в распространении правды о катынском деле принадлежат Наталье Лебедевой, издавшей в 1994 году книгу *Катынь. Преступление против человечества*¹⁰.

⁵ J.Z. Sawicki, *Katyń. Walka o prawdę*, [w:] *Katyń 1940. Walka o prawdę*, red. W. Lis, Toruń 2012, s. 198-200.

⁶ Z. Peszkowski, *Myśląc o Józefie Czapskim*, Warszawa 1994, s. 13-14.

⁷ J.Z. Sawicki, *Katyń...*, s. 211.

⁸ В. Абаринов, *Белые пятна: от эмоций к фактам*, «Литературная газета» 11 мая 1988, с. 14. Владимир Абаринов был также автором первой российской книги о Катыни *Катынский лабиринт* (1991).

⁹ А. Pamiatnych, *Rosja a Katyń*, [w:] *Rosja a Katyń*, red. A. Dzienkiewicz, Warszawa 2010, s. 7-10.

¹⁰ Н. Лебедева, *Катынь. Преступление против человечества*, Москва 1994. Книга стала докторской диссертацией Натальи Лебедевой. Защита прошла в Польше, в Лодзинском университете.

Госдума Российской Федерации в 2010 году признала вину руководителей СССР¹¹.

Раньше в официальной русской литературе советского периода тема катынского расстрела не могла появляться в силу запретов и фальсификации официального варианта истории. Первым это событие упомянул Александр Солженицын в *Архипелаге ГУЛАГ* (1968), точно определяя суть и цель этого преступления:

Брали слишком состоятельных, влиятельных, заодно и слишком самостоятельных, слишком умных, слишком заметных, всюду брали офицеров, в бывших польских областях – особенно густо поляков (тогда-то была набрана злополучная Катень, тогда-то в северных лагерях заложили силос под будущую армию Сикорского-Андерса). Всюду брали – офицеров. И так население встряхивалось, смолкало, оставалось без возможных руководителей сопротивления. Так внушалось благоразумие, отсыхали прежние связи, прежние знакомства¹².

Солженицын затронул тему Катень также в статье *Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни* (1973), упрекая своих соотечественников в неспособности раскаться за свои вины перед поляками:

Если же по событиям новейшим, в советское время, такого общественного раскаяния в России не прозвучало, то лишь по обстановке нашей подавленности, а помнят все, ещё будут поводы назвать громко: высокоблагородный удар в спину гибнущей Польше 17 сентября 1939 года; и уничтожение цвета Польши в наших лагерях; и отдельно Катень¹³.

В сороковую годовщину катынского преступления, в апреле 1980 года, большая группа советских правозащитников, живущих в то время на Западе, опубликовала в журнале «Континент» (№ 24) открытое письмо польским друзьям с заявлением о памяти и об осознании ответственности их страны за содеянное. Среди подписавших письмо оказались также фамилии русских писа-

¹¹ Госдума приняла заявление «О Катынской трагедии и ее жертвах», [в:] <http://duma.gov.ru/news/5093/> (12.03.2024).

¹² А. Солженицын, *Архипелаг ГУЛАГ 1918-1956. Опыт художественного исследования*, т. 1, Москва 1990. e-book – глава 2. Александр Солженицын в *Архипелаге ГУЛАГ* тему катынского расстрела затрагивает в четырех местах.

¹³ А. Солженицын, *Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни*, [в:] его же, *Публицистика. В 3 т.*, Ярославль 1995, т. 1, с. 74, [в:] <https://ilya-prosto.livejournal.com/121314.html> (12.11.2023).

О Катень Солженицын упомянул и в других статьях: А. Солженицын, *Выступление по английскому радио (Лондон, 26 февраля 1976)*, [в:] его же, *Публицистика...*, т. 1, с. 251; А. Солженицын, *Иметь мужество видеть. Полемика в журнале «Foreign Affairs»*, [в:] его же, *Публицистика...*, т. 1, с. 387-388.

телей: Андрея Амальрика, Владимира Буковского, Александра Гинзбурга, Натальи Горбаневской, Владимира Максимова, Виктора Некрасова¹⁴.

Несмотря на то, что признание СССР своей вины в катынском преступлении получило большой общественный резонанс, тема катынского расстрела в русской словесности не стала популярной. С 1990-х годов она уже не была табуированной, но затрагивали ее лишь немногие русские писатели. К польской теме, в том числе и к катынскому преступлению, в начале 90-х обратился Василий Аксенов в трилогии *Московская сага* (1992). Один из главных героев – Никита Градов, – рассуждая о «польском вопросе», как он называл планы Сталина по отношению к Польше, вспоминает свои впечатления от увиденного в Катыни:

Ну и, наконец, этот проклятый «польский вопрос». Этот проклятый вопрос, вообще тема Польши стали для Никиты едва ли не кошмаром сродни тем его, юношеским, кронштадтским снам. Еще в Белоруссии, в Катынском лесу, когда он увидел черепа с одинаковыми дырочками в затылках, он понял, что немцы в данном случае не врут, что это все тех же «рыцарей революции» мокрое дело¹⁵.

Польская тема в произведении Аксенова не вызвала интереса у исследователей творчества писателя¹⁶, а также не нашла отражения в одноименном сериале, снятом в 2004 году по мотивам трилогии. Сам писатель был недоволен таким решением авторов сценария: «К сожалению, в сериал по *Московской саге* не вошла польская часть романа, где рассказано, что такое была Армия Крайова, как там наши действовали, как мучились многие офицеры»¹⁷.

Среди других произведений, в которых затрагивалась тема Катыни, можно назвать два текста русских поэтов: *Skarbiec Katynia* (1989) Андрея Вознесенского и *Piętno* Елены Марьянской, опубликованные в антологии *Катынь в литературе* (*Katyń w literaturze*), изданной в Польше в 1995 году¹⁸. Фрагменты текста Вознесенского в польском переводе высечены на памятнике жертвам Катыни в Джерси-Сити.

После премьеры художественного кинофильма Анджея Вайды *Катынь* (*Katyń*) в 2008 году Наталья Горбаневская в заключение рецензии на фильм поместила посвященное режиссеру стихотворение, в котором она выражает надежду,

¹⁴ «Оглянись в раскаяньи» – 30 лет спустя, [в:] <https://hro.org/node/7895> (15.11.2023).

¹⁵ В. Аксенов, *Московская сага. Трилогия*, кн. 2, *Война и тюрьма*, Москва 1994, с. 269.

¹⁶ Н. Карлина, *Польская тема в произведениях Василия Аксенова*, „Studia Rossica Posnaniensia” № 36, 2011, с. 106.

¹⁷ В. Аксенов, *В мемуарах работает ложная память*, [в:] его же, *Зеница ока. Вместо мемуаров*, Москва 2005, с. 463.

¹⁸ *Katyń w literaturze. Międzynarodowa antologia poezji, dramatu i prozy*, oprac. J.R. Krzyżanowski, Lublin 1995. Andrej Wozniesiński, *Skarbiec Katynia*, przeł. W. Woroszyński, s. 347; Jelena Marińska, *Piętno*, przeł. J.R. Krzyżanowski, s. 348-350. Заглавия произведений даны исключительно в переводе на польский язык. К сожалению, мне не удалось найти эти тексты в оригинале.

что память о катынском расстреле приведет к победе правды¹⁹. Это стихотворение не было первым высказыванием поэтессы на тему катынского преступления. Раньше Горбаневская выступала на радио «Свобода» с серией передач о Катыни, которые в сокращенном варианте были опубликованы в пяти номерах «Русской мысли» за 1980 год, а в 2005 году она на основании новых исторических материалов опубликовала статью *О Катыни – двадцать пять лет назад и сегодня* в 3-м и 4-м выпусках журнала «Новая Польша».

Расстрел польских офицеров стал также темой одной из песен Нателлы Болтянской *Оборванный полонез* (2010). Слова песни, кроме отсылки к польской истории, содержат намек на фильм Вайды *Катынь*, а также на трагедию крушения польского лайнера с делегацией, летевшей на мероприятия по случаю 70-летия катынского преступления. О событиях в Катыни упоминает также Сухбат Афлатуни в романе *Рай земной* (2019), посвященном казни группы поляков во время Большого террора и коммеморации жертв «польской операции» НКВД после распада СССР. В произведении лишь мельком упоминается о расстреле поляков в Катыни, когда героини едут на экскурсию в Смоленск и заодно посещают Катынский мемориал.

На этом фоне выделяется последний на сегодняшний день роман Катишонок *Джек, который построил дом*. В произведении намечается несколько проблем, в частности: жизнь в эмиграции, советское детство, семейные отношения, любовная история. В повествование о судьбах современных героев писательница вплетает сюжетную линию, связанную с историей Польши, а именно с арестами польских офицеров в 1939 году, катынским расстрелом, формированием на территории СССР польской армии Андерса и попытками сохранить память о жертвах Катыни после войны.

Свой интерес к теме катынского преступления писательница объясняет следующим образом:

Здесь всё несправедно.

Это одна из величайших несправедливостей войны: убийство пленных, безоружных, беспомощных людей.

...одна из величайших несправедливостей истории: трагедия, которую Россия перебрасывает, как футбольный мяч в ворота противника, лишь бы не признать свою вину.

...одна из величайших несправедливостей перед людьми – членами семей невинно убиенных. Одни поколения ушли, не дождавшись признания вины; старятся потомки расстрелянных и потомки потомков.

...одна из величайших – библейского масштаба! – несправедливостей перед братским польским народом, ибо брат убил брата, повторив это в тысячекратных количествах.

¹⁹ Н. Горбаневская, *Prawda oszy kole. После премьеры художественного кинофильма Анджея Вайды «Катынь»*, «Новая Польша» 2001, № 10 (90), с. 68-69.

...ложь, повторенная многократно: над разверстыми могилами, на Нюрнбергском процессе и при старательном переписывании истории содеянного. Переписывание продолжается, множится ложь. И вся эта громоздкая индустрия созидания лжи – вместо искреннего покаяния. А если нет покаяния, то нет и очищения.

...и в то время, пока потомки жертв ждут этого покаяния, ждут, теряя надежду, потомки палачей вырастают в твёрдой убеждённости своей правоты²⁰.

Об ощущениях поляков, особенно – потомков жертв: неутрачивающем чувстве несправедливости, несбывшемся ожидании покаяния и наказания палачей писал многократно участвовавший в поиске пропавших офицеров Юзеф Чапский: «Te dalsze, uparte poszukiwania śladów miejsc zagłady naszych kolegów dają nam pewnik inny i wielki, że po dziesiątkach lat, po już mijających paru pokoleniach, Polak pamięć o tych tysiącach niewinnych ofiar w sercu przechowuje, że ta rana wciąż broczy»²¹.

Польская сюжетная линия в романе *Джек, который построил дом* является отдельным текстом – это история жизни Станислава Важинского, воссоздаваемая героиней романа Юлией на основании его записок и воспоминаний. Юлия – эмигрантка, приехавшая с семьей в Америку из Города в СССР по приглашению дяди отца. Отголоски его истории находим также в размышлениях и снах героини. Катынский расстрел стал, помимо этого, темой научной работы сына героини – преподавателя истории, но в произведении не приводятся фрагменты этого исследования. Важинский, участник исторических событий, входит в состав персонажей произведения.

Историческая составляющая в сюжете не разрушает его связности ввиду сходства обоих как в плане представления событий, так и в стилистическом. Исторический дискурс многие исследователи сравнивали с литературной фикцией в силу иллюзорной сцепленности в нем представляемых фактов, целостности, а также употребления разной перспективы, т. е. сокращений и приближений. Эту мысль сформулировал уже Ханс-Роберт Яусс, утверждая, что как историку, так и писателю даны одинаковые способы подачи нарративной информации²².

Наиболее развернутые высказывания на эту тему принадлежат американскому историку Хейдену Уайту, который за основу своих рассуждений принял теоретическую предпосылку, что как писатели и философы, так и историки в своем дискурсе вынуждены прибегать к использованию одного и того же языка

²⁰ Письмо Елены Катишенок автору статьи от 20 сентября 2023.

²¹ J. Czapski, *Rozproszone. Teksty z lat 1925-1988*, zebrał i notami opatrzył P. Kądziała, Warszawa 2005, s. 424.

²² H.R. Jauss, *Zastosowanie fikcji w formach oglądu i przedstawiania historii* [1982], [в:] *Opowiadanie historii w niemieckiej refleksji teoretycznohistorycznej i literaturoznawczej od oświecenia do współczesności*, wybór, przekł., oprac. J. Kałużny, Poznań 2003, s. 397. О теоретической рефлексии на тему соотношения исторического и литературного дискурсов писал Хенрык Маркевич: H. Markiewicz, *Historia a literatura*, „Pamiętnik Literacki” 2006, № 3, s. 5-28.

и его приемов²³. В работе *Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века* он отмечает, что пользуясь языком, который по своей природе поэтичен, историк учитывает в своей работе воображение. В связи с этим исторический дискурс соединяет и рациональность, и воображение, пронизывающие весь исследовательский процесс. Уайт подчеркивает особую роль воображения на начальном этапе исследования: в префигурации исторического поля, т. е. в выделении из исторического прошлого объектов исследования и определении связей между ними²⁴. Данный акт происходит из модуса языка, обуславливающего то, что именно историк намерен рассматривать в данном историческом поле, и то, какие способы построения сюжета он выберет²⁵. Замечая сходство некоторых черт исторического и литературного дискурсов, Уайт признавал их взаимное влияние и отмечал то, что сравнение истории с литературой не уменьшает познавательные свойства первой, поскольку и литература предоставляет многие знания о реальном мире²⁶.

Эта близость исторического и литературного дискурсов всегда способствовала использованию нарратива об исторических событиях не только как фона для вымышленного действия, но и как сюжетобразующего компонента художественного текста. В 1997 году Капитолина Кокшенёва заявила, что многие русские писатели хотели бы «убить прошлое» навсегда²⁷, а уже в начале XXI века оказалось, что оно хлынуло в литературные произведения в разных формах²⁸. Пример этому – все романы Катишонок. В отличие от популярных в постмодернизме альтернативных вариантов истории²⁹, утопии, антиутопии, постапокалиптической литературы и других схожих жанровых образований, в которых мы имеем дело с довольно свободной интерпретацией истории России³⁰, творчество

²³ А.В. Гурьянова, *Нарративная концепция исторического познания в тропологической теории истории Х. Уайта*, [в:] *Наука XXI века: актуальные направления развития: сборник научных статей III международной заочной научно-практической конференции (25 апреля 2016 г.)*. Вып. 1.: в 2-х ч., отв. ред. С.И. Ашмарина, Самара 2016, ч. 2, с. 164.

²⁴ Х. Уайт, *Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века*, перев. под ред. Е.Г. Трубиной и В.В. Харитоновой, Екатеринбург 2002, с. 51.

²⁵ Там же, с. 17.

²⁶ Н. White, *Literary Theory and Historical Writing*, [in:] idem, *Figural Realism: Studies in the Mimesis Effect*, Baltimore-London 1991, p. 22, [по статье]: Н. Markiewicz, *Historia a literatura...*, s. 22.

²⁷ К. Кокшенёва, *Изживание реальности. Универсальная порочность мира в современных текстах*, «Москва» 1997, № 3, с. 172.

²⁸ Д.В. Новохатский, *Роман Д. Быкова «ЖД» в контексте тенденций развития современной русской литературы*, «Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки» 2018, т. 160, кн. 1, с. 113.

²⁹ В.Б. Чупасов *Альтернативно-историческая фантастика в контексте социокультурных трансформаций*, [в:] *Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России*, сост. И.Л. Савкина, М.А. Черняк, Санкт-Петербург 2009, с. 272-278.

³⁰ Деконструкция является ключевым приемом в «исторических» произведениях Виктора Пелевина и Владимира Сорокина. См. напр.: А.Б. Гулярян, *Жанр альтернативной истории как*

писательницы не выходит резко за рамки исторического контекста, с которым она работает. Ей чужды стратегии деконструкции, она не переворачивает хода исторических событий и не переосмысливает их значения.

Как замечает Александр Лобин, в русской литературе XXI века одной из наиболее значимых остается тема Великой Отечественной войны³¹. Особое внимание писателей привлекают такие вопросы, как разгром Красной армии в начале войны; роль Сталина в управлении не только страной, но и армией; вклад других стран, главным образом оказанная Советскому Союзу помощь; жертвы, понесенные народом. Популярность упомянутой темы свидетельствует, с одной стороны, о ее значимости для национального самосознания³², с другой – о желании выявить или переосмыслить те события, которые долгое время оставались вне писательского интереса и не нашли должного представления в художественных текстах. Катишонок, останавливаясь на проблеме катынского расстрела, как очевидно, не следует общей тенденции в выборе военных тем.

Герой романа *Джек, который построил дом* Стэн Важинский – это вымышленный персонаж, но его судьба во многом сходна с биографией известного польского художника, писателя и критика Юзефа Чапского – автора мемуарных книг *Старобельские воспоминания* (*Wspomnienia starobielskie*, 1944), *На бесчеловечной земле* (*Na nieludzkiej ziemi*, 1949). Чапский был одним из пленных, заключенных в лагере в Старобельске. В отличие от своих товарищей по несчастью он оказался в группе 79 уцелевших. Из Старобельска его перевезли в лагерь Юхново, потом в Грязовец Вологодской области, потом на Лубянку. 3 сентября 1941 года, после подписания военного соглашения между советским и польским правительствами, Чапский был освобожден и вскоре вступил в польскую армию генерала Андерса, он стал его уполномоченным по розыску польских офицеров, пропавших на территории СССР. Об этом он пишет в том же воспоминании *На бесчеловечной земле*. С 1945 года Чапский жил во Франции, активно участвовал в издании известного польского журнала «Kultura» под редакцией Ежи Гедройца и в работе журнала Владимира Максимова «Континент»³³.

Судьба героя Катишонок Важинского не является изложением истории жизни Чапского. В сюжетной линии романа обнаруживается множество расхождений с биографией польского художника. У Важинского другое происхождение – он сын директора гимназии, в то время как отец Чапского был польским аристок-

системный индикатор социального дискомфорта, [в:] *Русская фантастика на перекрестке эпох и культур*, ред. Е. Ковтун, В. Пищенко, А. Ройфе, А. Ройфе, Москва 2007, с. 323-334; А.В. Щербенок, *Сорокин, травма и русская история*, «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» 2012, вып. 1(17), с. 210-214; И. Калинин, *Владимир Сорокин: Ритуал уничтожения истории*, «Новое литературное обозрение» 2013, № 2 (120), с. 254-269.

³¹ А.М. Лобин, *Авторские концепции российской истории в русской литературе XXI века*, Ульяновск 2015, с. 259-261.

³² «Из всех советских мифов военный – самый стойкий» – писали Петр Вайль и Александр Генис. П. Вайль, А. Генис, *60-е. Мир советского человека*, Москва 1998, с. 89.

³³ J. Zieliński, *Józef Czapski. Krótki przewodnik po długim życiu*, Warszawa 1997, s. 5-25.

ратом, общественным и политическим деятелем, крупным землевладельцем и предпринимателем. В романе у героя есть брат-близнец, а у Чапского было пять сестер и младший брат Станислав, чьим именем писательница наделила своего героя. Не совпадают также профессии; по-другому представлен период жизни в эмиграции: после окончания войны Чапский жил во Франции, а герой Катишонок эмигрировал в США.

Несмотря на эти различия, главная в идейном плане часть жизни персонажа романа и Чапского – схожи. Совпадения находим также во внешнем виде Важинского и внешности польского офицера:

[американский дядюшка] оказался высоким, узкоплечим, очень худым стариком с морщинистым загорелым лицом, седым клоком волос на макушке и ровными молодыми зубами. Юлька не сразу поняла, что протез – его зубы органично сочетались с бодрой походкой и прямой спиной³⁴.

Стержень истории Важинского связан с его пребыванием в советском лагере для военнопленных, поисками польских офицеров в СССР, боевым путем с армией Андерса, послевоенными усилиями по коммеморации жертв Катыни.

Важинский, как и Чапский, попадает в советский плен в самом начале войны:

Станислава призвали прямо в сентябре тридцать девятого; работал врачом в полевом лазарете. Избежал смерти и раны, но не плена, в числе почти пятнадцати тысяч польских военнослужащих. Плен оказался не немецким – советским...

Стоит обратить внимание на уточнение в истории персонажа: писательница четко определяет государство, ответственное за содержание лагеря для военнопленных. Далее подчеркивает, кто увозил польских офицеров из лагеря, как оказалось – на расстрел:

В лагерь прибывают новые эшелоны пленных, все поляки, в то время как солдат и офицеров, помещенных сюда раньше, вывозят отдельными партиями люди в форме НКВД. По какому принципу происходят эти передвижения, никто не знает; от охраны добиться ответа невозможно, да и знает ли она.

Старобельские воспоминания Чапского также начинаются с такого уточнения:

W obozie Starobielsk w chwili rozładowania, 4 IV 1940 r., było 3920 oficerów wraz z kilkudziesięcioma więźniami cywilnymi i około 30 podchorążymi i chorążymi. Uratowało się spośród nich 79. Jestem jednym z nich.

³⁴ Е. Катишонок, *Джек, который построил дом*, Москва 2021. Е-book. Цитаты, не обозначенные ссылками, приводятся по этому изданию.

Całą reszta zginęła bez śladu, pomimo uporczywych i nieustannych prób wyjaśnienia, gdzie się znajdują.

Kiedy we wrześniu i październiku 1939 r. dostała się do niewoli sowieckiej część wojska polskiego, rozmieszczono oficerów i część szeregowych w 3 obozach: Starobielsk, Kozielsk, Ostaszków³⁵.

В обоих текстах – романе Катишонок и мемуарах Чапского – указывается момент начала экстерминации пленных офицеров – в Старобельске она началась 5 апреля 1940 и продолжалась до 12 мая 1940 года. В то же время 78 офицеров, в том числе Чапского, перевезли в юхновский лагерь, а трех в Москву в распоряжение 2 отделения НКВД³⁶. Этот эпизод жизни Чапского воспроизводится также в сюжетной линии Важинского: «Довольно скоро Станислава и несколько сотен других офицеров переводят в другой лагерь – на север, ближе к полярному кругу».

В сюжет, связанный с судьбой Важинского, Катишонок вплетает информацию о причинах и способе создания Польской армии в СССР:

В сентябре сорок первого ситуация резко поменялась. Под давлением Англии правительство СССР было вынуждено признать некогда «реакционную» Польшу полноправным существующим государством и установить дипломатические отношения со страной, которую совсем недавно поделили с Германией. Одновременно формируется польское «правительство в изгнании» с премьер-министром Владиславом Сикорским во главе.

Излагая исторические факты, писательница главным образом ставит целью передать атмосферу этой сложной политической ситуации. В приведенном фрагменте появляются даже некоторые неточности: договор о создании 2-го Польского корпуса, так наз. соглашение Сикорского-Майского, был подписан не в сентябре, а 30 июля 1941 года³⁷; польское «правительство в изгнании» во главе с Сикорским не сформировалось в 1941 году, а действовало с сентября 1939 года в Париже, а с июня 1940 года в Лондоне³⁸.

Катишонок представляет также обстоятельства формирования армии Андерса из польских граждан, сосланных в Сибирь, Казахстан и заключенных в ГУЛАГе;

³⁵ J. Czapski, *Na nieludzkiej ziemi...*, s. 9.

³⁶ R. Niwierski, *Katyń – prawda i zakłamanie*, Stalowa Wola 2020, s. 152. Число спасенных офицеров дается разное в разных работах – до нескольких сотен. Чапский большую часть жизни свое спасение называл чудом или стечением обстоятельств, не зная что посольство Германии в Риме выступило к советским властям с просьбой освободить его. Только в 1990 году он узнал об этом по письму Натальи Лебедевой. Cz. Madajczyk, *Dramat katyński*, Warszawa 1989, s. 93-94.

³⁷ См. напр. *Układ Sikorski-Majski. Wybór dokumentów*, red. E. Duraczyński, Warszawa 1990.

³⁸ См. напр. M. Hułas, *Goście czy intruzi? Rząd polski na uchodźstwie – wrzesień 1939 – lipiec 1943*, Warszawa 1996; P. Wiczkowicz, *Historia polityczna Polski 1939-1945*, Warszawa 2005.

описывает состояние добровольцев, для которых это была единственная возможность покинуть «бесчеловечную землю». Повествование охватывает также отношение Сталина к польским вооруженным силам, формировавшимся на Востоке: упоминается решение сократить количество польских дивизий с семи до трех, приказ уменьшить рацион, наконец – опасения, ведущие к попытке ликвидировать настолько большое военное образование, как Польская армия. В дополнение затрагивается проблема трагических бытовых условий солдат и прибывших на место мобилизации женщин и детей – ссыльных поляков. Катишонок подчеркивает роль не доверяющего советским властям генерала Андерса в формировании армии, удержании ее и выведении поляков на территорию Ирана, остававшегося в британской сфере влияния.

Центральное место в историческом сюжете занимает тема поисков пропавших польских офицеров – пленных осташковского, старобельского и козельского лагерей. Эта часть истории Важинского наиболее сходна с соответствующим этапом жизни Чапского. Его миссия продолжалась в годы 1941-1942 и не принесла положительного результата. Воспоминания о выполнении поручения Андерса нашли место в книге *На бесчеловечной земле*. Катишонок на основании этих мемуаров создает историю героя и отражает обстоятельства поисков: встречи и разговоры с советскими политиками, передающими лживую информацию; поездки в лагеря, рассеянные по всей стране; попытки узнать у встреченных поляков о местонахождении офицеров.

Важной в этом рассказе оказалась тема надежды на успех поисков. Герой романа Важинский до конца не верит, что пленные поляки могли быть убиты по приказу властей СССР. После разоблачения катынского преступления весной 1943 года его мучает вопрос, знал ли генерал Андерс об этом раньше:

Иногда Стэн готов был задать вопрос, давно его мучивший: знал ли генерал о судьбе пятнадцати тысяч погибших, когда принял решение уходить в Иран? «Мы должны спасти тех, кто рядом с нами». Вопрос он не задал. И понял, что поступил правильно.

Потому что давно знал ответ.

Вопрос о подозрениях Андерса насчет экстерминации пленных волновал многих историков. После окончания войны Чапский высказывался на эту тему несколько раз. В разговоре с Густавом Херлинггом-Грудзинским он утверждал, что об убеждениях Андерса узнал во время их встречи в Ташкенте в январе 1943 года:

Jedyny człowiek, który nie wierzył Rosjanom zupełnie, to był Anders, który był przekonany, że wszystko jest możliwe. [...] Zameldowałem się natychmiast u Andersa [w Taszkencie]. Anders mnie przyjął i bardzo mnie jedna rzecz zdziwiła. Zupełnie się nie zdziwił, że ja nic nie przywiozłem, że przywiozłem tylko milczenie. Powiedział:

„Mój kochany, ja już jestem przekonany, że nasi koledzy nie żyją. Traktuję ich jako kolegów, którzy polegli w bitwie³⁹».

В другой раз Чапский вспоминал, как в 1942 году встретился в Москве с генералом Андерсом, которому сообщил, что не нашел никаких следов пропавших офицеров. Андерс сказал тогда о своей уверенности, что этих людей уже нет в живых; он считал их погибшими в бою⁴⁰.

Судьба Важинского после разоблачения катынского преступления весной 1943 года представлена довольно поверхностно – он вместе со 2-м Польским корпусом из Средней Азии через Иран, Ирак направляется в Италию. Здесь тоже обнаруживается явное сходство с боевым путем Чапского, прошедшего с армией Андерса по тем же военным дорогам в качестве заведующего Отделом издательств 2-го корпуса⁴¹.

Писательница объясняет также решение многих солдат армии Андерса эмигрировать сразу после окончания войны: «Генерал Андерс не спешил вернуться в Польшу – это была не та страна, которую он помнил. Новое правительство для начала лишило его гражданства и всех воинских наград; вернись он домой, казнь или тюрьма были бы неминуемы». Герой романа – Стэн – тоже не возвращается в Польшу, а поселяется в США, как и многие послевоенные польские эмигранты.

Важно отметить, что на протяжении всей сюжетной линии о катынском преступлении не появляется описание самого расстрела польских офицеров. О нем идет речь и в повествовании, и в разговорах персонажей, но читатель здесь не найдет представления ни самого метода экстерминации, ни убийства отдельных героев. Молчание о самом расстреле здесь значимое – имеется в виду настолько трагический, травматический опыт пограничной ситуации, что сложно найти слова и создать литературный образ, чтобы передать ужас, отчуждение, боль, абсурд злодеяния⁴². На эту стратегию умолчания обращает внимание Тереса Валас, утверждая, что молчание, тишина часто выступают в случае репутль-

³⁹ J. Czapski, *Anders: Mówilem z nim o klimacie, o pejzażu, o kobietach*, [w:] <https://jozefczapski.pl/anders-mowilem-z-nim-o-klimacie-o-pejzazu-o-kobietach/> (5.11.2023). Первоисточник: «Kultura» (Paryż) 1970, № 7 (274) – 8(275), s. 17. То же самое Чапский сказал в Лондоне во время 34-й годовщины катынского расстрела: «Przypominam sobie – kiedyśmy się już zbliżali do wyjazdu do Persji – wracałem z Moskwy po najgorszych moich doświadczeniach, gdy sam już miałem wrażenie, że już nie ma gdzie szukać – Anders mi powiedział po chwili milczenia [...] – Wiesz, ja już od dawna traktuję ich jako ludzi, co zginęli w wielkiej bitwie o Polskę. Właściwie pierwszy Anders nie wierzył, że my kogokolwiek z katyńców odnajdziemy». J. Czapski, *Rola gen. Andersa w poszukiwaniach zaginionych*, [w:] idem, *Swoboda...*, s. 189-190.

⁴⁰ *Józef Czapski: to był szok, oni wszyscy zostali zabici*, Polskie Radio 13.04.2022, [w:] <https://www.polskieradio.pl/39/156/Artykul/2288953,Jozef-Czapski-to-był-szok-oni-wszyscy-zostali-zabici> (20.11.2023).

⁴¹ J. Zieliński, *Józef Czapski...*, s. 28.

⁴² О молчании в контексте темы Холокоста см. напр.: A. Ubertowska, *Świadectwo – trauma – głos. Literackie reprezentacje Holokaustu*, Kraków 2007. Подробнее о молчании в литературе: D. Korwin-Piotrowska, *Białe znaki. Milczenie w strukturze i znaczeniu utworów narracyjnych (Na przykładach z polskiej prozy współczesnej)*, Kraków 2015.

сивного опыта, когда мир изображается со стороны своих дефектов, изъянов, как нечто чуждое, враждебное, разрушительное⁴³. Отсутствие описания самого преступления в повествовании о необходимости исторической правды можно толковать как моральный протест персонажа – участника событий – и самой писательницы.

Мемуарная форма нарратива с дополнительной информацией об исторических происшествиях и обстоятельствах, в каких они случились, также оправдывает некую выборочность излагаемых фактов. Повествование не соответствует научному дискурсу с точным определением дат, чисел и детальным описанием действий, а является пересказом воспоминаний, сохраненных в индивидуальной памяти. Это объясняется способом возникновения книги – героиня создает ее на основании рассказов и записок Важинского: «Все, что рассказывал дядя Стэн, Юля коротко конспектировала в блокноте, на листках из Антошкиной тетрадки в широкую полоску. Стэн рассказывал живо, полнокровно – только успевай запоминать. Оставалось перепечатать»; «Юля привезла исписанные экономным стариковским почерком страницы для книги Стэна».

Стоит подчеркнуть, что героиня не только записывает воспоминания дяди Стэна, но и прилагает все усилия для их публикации, поскольку видит в этом единственный способ распространить правду об этих событиях. Важность книги и необходимость издания этих мемуаров освещается в романе следующим образом:

«Война у каждого своя», и не потому ли Стэн Важинский записывал «свою» войну, не потому ли в конце жизни скорбел, а не радовался, что остался в живых?

Он остановился, не выпуская книги из рук, пораженный беспощадной мыслью: что случится с историей войны, когда не останется в живых ни одного воевавшего человека? Можно будет писать о ней что угодно – никто не сможет оспорить. А воспоминания участников утратят актуальность на фоне альтернативной истории, какое бы содержание ни вкладывали в это понятие.

В идее этой сюжетной линии аспект сохранения памяти о жертвах Катыни является самым главным. Сохранение памяти о погибших пленных становится фундаментом всей деятельности Важинского, который так и не дождался издания книги. В этом плане также можно заметить сходство с мемуарами Чапского, которые были опубликованы вскоре после войны, и тогда их правдивость подвергалась сомнению. Выход в свет книги *На бесчеловечной земле* окончательно решил судьбу ее автора, показания которого, несмотря на очевидные доказательства вины НКВД, неоднократно оспаривались. Опубликованная сначала в 1945 году в Риме, а затем в Литературном институте в Париже в 1949 году, она считалась обидной для промарксистских западноевропейских элит, а также

⁴³ T. Walas, *Literatura (kultura) jako selekcja i projektowanie doświadczenia. Casus: „mały realizm”*, [w:] *Kulturowa teoria literatury*. 2, red. T. Walas, R. Nycz, Kraków 2012, s. 281.

для Советского Союза. Предполагается, что весь тираж французского издания был куплен и, вероятно, уничтожен советским посольством в Париже⁴⁴.

Сам Чапский упоминал в письме Збигневу Херберту об одном из случаев обвинения в распространении лживой информации:

Szarpalem się w Radiu Francuskim o Katyń z nieuczciwymi nie tylko rozmówcami, ale historykami, którzy [słowo nieczytelne] teraz chcą prowadzić nieuczciwe dyskusje, pomyśl, że mnie przeciwstawiali anonimowy list [słowo nieczytelne], który zaręczał, że Katyń to Niemcy!!⁴⁵

В 1950 году во время выступления в Америке Чапский так говорил о своей миссии:

Jaka ma być w tym nasza rola, Amerykanów polskiego pochodzenia i Polaków na ziemi amerykańskiej? To my przede wszystkim musimy znać argumenty, świadczące o prawdzie, to my musimy prawdę o Katyniu szerzyć wobec wszystkich Amerykanów. Musimy niebo i ziemię poruszyć, żeby nareszcie świat zrozumiał, ile zimnej podłości i okrucieństwa kryje się w Rosji Sowieckiej, której kierownicy nie zawahali się podeptać wszelkie prawa i niewinnych jeńców wojennych, którzy nawet z nimi wojny nie toczyli – zdradziecko zamordować⁴⁶.

Эта борьба за правду и сама правда являются основной идеей сюжетной линии Важинского в романе *Джек, который построил дом*. Составляя книгу мемуаров польского офицера, герои делают все для того, чтобы книга попала к читателям. Их многочисленные попытки издать воспоминания дяди то ли в журналах, то ли в издательствах не приносят желаемого результата. Публикация, которая появилась за счет личных средств героя, была встречена родственниками Стэна с настоящим энтузиазмом:

Какое счастье, что Ян сделал ей этот подарок, что книга живет... Они отослали по экземпляру в самые крупные библиотеки, дарили друзьям, отправили во Флориду... Отец плакал, когда получил «Памятник», – плакал, еще не прочитав. Мать была потрясена [...] Родители наперебой читали, цитировали то, что Юлька почти выучила наизусть.

⁴⁴ J.S. Pasierb, *Józef Czapski – Polak, artysta, chrześcijanin*, «Więź» 1993, № 3 (413), [w:] <https://wiew.pl/2018/01/12/jozef-czapski-polak-artysta-chrzescijanin/> (10.12.2023).

⁴⁵ J. i M. Czapscy, K. i Z. Herbertowie, *Korespondencja*, odczytał i przypisami opatrzył J. Strzałka, Warszawa 2017, s. 24. Письмо от 9 ноября 1966 года. Подробнее о чувстве долга к тем, кто ушел из жизни, пишет Чапский в эссе *Невидимая цена*. J. Czapski, *Łańcuch niewidzialny*, [w:] idem, *Tumult i widma*, Kraków 2017, s. 101-116. Подробнее пишет об этом Агнешка Беяк: А. Bielak, *Najbardziej intymna tęsknota – Polska w korespondencji Józefa Czapskiego*, „Konteksty Kultury” 2021, nr 18, z. 2, s. 232-244.

⁴⁶ J. Czapski, *Odczyt amerykański*, [w:] idem, *Swoboda...*, s. 183-188.

В описании стараний об издании мемуаров Важинского можно найти аллюзию к борьбе за «катынскую правду», которую блокировали не только советские, но и британские и американские власти⁴⁷. Во время войны и непосредственно после ее окончания запрещалось обвинять советское правительство в этом преступлении⁴⁸. Несмотря на то, что катынское дело слушалось в Нюрнберге в июле 1946 года, в приговоре трибунала от сентября 1946 года об этом преступлении не упоминалось, а в решении Международного военного трибунала в Нюрнберге от октября того же года немцы не обвинялись в расстреле польских военнопленных. В 1948 году вышла книга *Катынский расстрел в свете документов (Zbrodnia katyńska w świetle dokumentów)*⁴⁹, но глобальный заговор молчания не позволял раскрыть виновников преступления. В 1951 году Международный суд ООН, получив соответствующую документацию от Конгресса США, не принял это дело к рассмотрению. Польская эмиграция много лет боролась за правду о катынском расстреле. Для многих людей в послевоенный период речь шла об истинной судьбе их близких, друзей и родственников. Были собраны показания свидетелей и предприняты попытки заинтересовать вопросом западных политиков. Дело в основном освещалось польской диаспорой в США и польским Лондоном⁵⁰.

Запрет на распространение информации об исторических событиях нацелен на стирание их из памяти или на переписывание. Среди стратегий забвения Алейда Ассман называет, в частности, умолчание, которое «не стирает из памяти тягостное событие, а лишь устраняет его из коммуникации. Прикрытие посредством умолчания носит конвенциональный характер и позволяет членам социального коллектива продолжить совместное существование»⁵¹. Одним из вариантов

⁴⁷ N. Davies, *Europa walczy 1939-1945. Nie takie proste zwycięstwo*, przeł. E. Tabakowska, Kraków 2008, s. 227.

⁴⁸ Напр. Отделение иностранных языков Управления военной информации США, американское федеральное учреждение, созданное для контроля над иностранной прессой и радиовещанием во время войны, немедленно отреагировало, когда польский диктор из Детройта Мариан Крейц сообщил об обнаружении катынских могил в 1943 году и обвинил советские власти в совершении убийства. Когда Юзеф Чапский посетил Соединенные Штаты в 1950 году, по просьбе «Голоса Америки» он подготовил передачу на польском языке для своих соотечественников в США. Однако перед выходом в эфир все упоминания о Катынском преступлении были удалены. A. Przewoźnik, J. Adamska, *Katyń...*, s. 389.

⁴⁹ «Sprawa autorstwa tego dzieła nigdy nie została wyjaśniona do końca, choć obecnie najczęściej przyjmuje się, że jej autorem jest Józef Mackiewicz, chociaż autorstwo przypisywano także Zdzisławowi Stahlowi i Witorowi Sukiennickiemu. Kolejne wydania *Zbrodni...* ukazywały się bowiem bez nazwiska autora (lub autorów). Jedyным nazwiskiem, kojarzonym z tą książką było nazwisko generała Władysława Andersa, autora przedmowy». A. Majcher, *Zbrodnia Katyńska – 70 lat walki o prawdę*, [w:] *Katyń 1940. Walka o prawdę*, red. W. Lis, Toruń 2012, s. 234-235.

⁵⁰ A. Siomkajło, *Katyń w pomnikach świata*, Warszawa 2002, s. 21.

⁵¹ A. Ассман, *Забвение истории – одержимость историей*, перев. Б. Хлебников, Москва 2019, с. 21.

умолчания можно считать также отказ от коммеморации жертв, которая может заключаться среди прочего в создании мест памяти в публичном пространстве.

Пьер Нора, инициатор исследования «мест памяти», применяет этот термин не только по отношению к конкретной топографической точке, но и ко всем материальным и нематериальным знакам и следам, вызывающим воспоминания о прошлом в коллективной памяти⁵². Подобным знаком или местом памяти о катынском преступлении можно назвать и роман Катишонок. В свою очередь, в самом сюжете произведения местами памяти о Катыни, помимо упомянутой книги мемуаров, являются памятники жертвам расстрела.

Писательница называет один из первых памятников жертвам Катыни, поставленный в публичном пространстве. Это памятник в Торонто, открытый в 1980 году⁵³. После смерти Важинского герои едут развеять его прах возле этого памятника:

Съездили в Канаду. Памятник – высокий темный прямоугольник, словно рассеченный надвое, и лаконичная надпись: «Katyn Memorial». У подножия цветы и крохотные стаканчики со свечами. Ветер, налетая, трепал огоньки, пламя металось, но не гасло.

Струйка пепла. Символическое погребение у символического памятника. Только боль настоящая.

Выбор героями именно этого памятника для символических похорон оправдывается в тексте рассказом дяди об установлении монумента: «Юля знала, чего бы хотел Стэн. Он рассказывал, как ездил в Канаду на открытие символического памятника жертвам Катыни, далекой от Канады, хотя для памяти нет границ и нет расстояний». В этом фрагменте содержится также идея «мест памяти» Нора, который не связывал их с географическими точками исторических событий, а определял как крайнюю форму, «в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем»⁵⁴. Когда в Польше коммеморативные действия по отношению к жертвам Катыни запрещались, поляки старались почтить их память в других странах, ставя кресты, вешая мемориальные доски, воздвигая памятники⁵⁵.

Таким местом памяти является также упомянутая в романе символическая могила жертв Катыни на варшавском кладбище Повонзки. Поляки, лишенные возможности посещать место захоронения своих погибших близких, организовали точки в другом пространстве, заменяющие могилы. Такими были кресты и памятники, появляющиеся на участке «Катынская долинка» на Военном

⁵² П. Нора, *Проблематика мест памяти*, [в:] *Франция-память*, перев. Д. Хапаева, Санкт-Петербург 1999, с. 17-50.

⁵³ Памятник в Торонто на берегу озера Онтарио был создан по решению Конгресса канадской колонии. Открытие памятника состоялось 13 сентября 1980 года.

⁵⁴ П. Нора, *Проблематика...*, с. 26.

⁵⁵ О памятниках жертвам Катыни см.: А. Siomkajło, *Katyń w pomnikach świata...*

кладбище Повонзки, которые перенимали символику места погребения и поддерживали память о жертвах преступления. Первый появился в 1959 году в форме небольшого деревянного креста рядом с символической могилой⁵⁶, а в романе речь идет о большом гранитном памятнике в форме четырехметрового креста, установленном 31 июля 1981 года:

... в Варшаве в восемьдесят первом году поставили памятник: серый гранитный крест, высеченные на камне названия лагерей, из которых никто не вернулся, надпись «KATYŃ». Огромная толпа слушала «Слово о Катыни», люди держали венки, на ленты капали слезы. Когда на следующий день опять понесли цветы к символической могиле, памятника не нашли. За одну ночь бесследно исчезли почти четырехметровый крест, столбы с надписями, надгробная плита⁵⁷.

История Стэна Важинского заканчивается горькой рефлексией о долгой жизни человека, чудом уцелевшего в Катыни, посвятившего свою жизнь коммеморации жертв этого преступления и не дождавшегося памятника ни в Польше, ни в России:

Коротка жизнь человека, даже такая долгая, как у Стэна. Много успев, застав и догнав, он уходит, не дождавшись самого желанного. В октябре Ельцин рассекретил судьбоносные катынские документы и передал Польше. Станислав Важинский не увидит памятник, который там поставят...⁵⁸

⁵⁶ На могиле была надпись: «Символическая могила 12 тысяч польских офицеров, убитых в Катыни. Они были поляками, погибли на чужой земле от рук жестокого врага. Они заслуживают того, чтобы их помнили и чтили». J.Z. Sawicki, *Katyń...*, s. 213-214.

⁵⁷ Это описание возведения памятника жертвам Катыни на варшавском кладбище восходит к книге Леопольда Ежевского *Катынь 1940*: «31 июля 1981 года на символической могиле Катыни на Военном кладбище был установлен памятник: крест из серого гранита, высотой в 3.85 м, с датой «1940» на скрещении и с надписью на постаменте: «Козельск». На двух каменных столбах, присоединенных к кресту бронзовыми цепями, были высечены слова «Старобельск» и «Осташково», а на плите у подножья памятника – надпись «КАТЫНЬ», буквы «В.П.» («Вечная память») и герб независимой Речи Посполитой – орел с короной. [...] Многочисленная толпа, присутствовавшая при открытии памятника, со вниманием выслушала «Слово о Катыни», повторявшееся несколько раз в течение дня. Однако органы польской госбезопасности не отнеслись к памяти погибших с должным уважением. В ночь с 31 июля на 1 августа 1981 года на кладбище въехали какие-то машины. Утром от памятника осталось лишь пустое место – крест вырвали из основания, столбы с надписями и плита исчезли». Л. Ежевский, *Катынь 1940*, перев. О. Штейн и Э. Штейн, Нью-Йорк 1987, с. 55-56.

⁵⁸ Здесь тоже намечается сходство с судьбой Чапского. Он умер в 1993 году, не дождавшись открытия памятников в Польше и в России. На кладбище Повонзки в Варшаве памятник воздвигли в 1995 году. В 1996 вышло постановление правительства Российской Федерации о создании мемориальных комплексов в Катыни. 28 июля 2000 года состоялось торжественное открытие мемориала «Катынь».

Роман Катишонок *Джек, который построил дом* благодаря исторической сюжетной линии Станислава Вайжинского можно присоединить к «местам памяти» о жертвах катынского преступления. Писательница обратилась к теме, до сих пор живой в сознании поляков, но для многих россиян ставшей уже историей, которая скоро не будет поддерживаться коллективной памятью. В последнее время меняется соотношение между историей и памятью, и поэтому прошлое не является достоянием создателей того или иного варианта истории, а «принадлежит многим людям, начиная с тех, кто пережил недавние события, и особенно тех, кто пострадал от них»⁵⁹. Эту проблему поднимает Катишонок, изображая не только воспоминания об исторических событиях, но прежде всего старания нескольких поколений в вопросе коммеморации жертв Катыни. Роман *Джек, который построил дом* – это также свидетельство сострадания полякам, которые так долго боролись за правду и за возможность почтить погибших.

Автором романа руководила потребность в правде и справедливости, которые необходимы для раскаяния и прощения⁶⁰. Ежевский в своей книге о Катыни писал, что «Только на правде о прошлом, а не на лжи и умалчивании, возможно установить мир и дружбу между Россией и Польшей»⁶¹. Эту мысль развивает Николай Эппле, автор книги *Неудобное прошлое*, подчеркивая, что требование не допустить повторения преступлений прошлого не должно сопрягаться с попытками вытеснить память о них:

Сколько бы власть или общество ни пытались устанавливать «пакт молчания» о трудном прошлом, сколько бы ни предпринимали попыток «подвести черту» в смысле его отсечения и забвения – все это только загоняет травму и боль в подполье, где они невидимым образом ведут свою разрушительную работу. [...] «Замороженные конфликты» памяти обладают не менее опасным потенциалом, чем «замороженные конфликты» в международных отношениях. Отказываясь от полноценной проработки прошлого, Россия только в большей степени оказывается его заложником, растравливая исторические болячки у себя и своих соседей. Чтобы распрощаться с трудным прошлым, необходимо его принять, как принимают травму⁶².

Катишонок относится к тем русским писателям, которые в своих произведениях часто обращаются к историческим событиям не самым популярным для русской словесности. В романе *Джек, который построил дом* она стремится

⁵⁹ Пьер Нора [по:] Е.И. Филиппова, *История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской Академии историком Пьером Нора)*, «Этнографическое обозрение» 2011, № 4, с. 75-84.

⁶⁰ Письмо Елены Катишонок...

⁶¹ Л. Ежевский, *Катынь 1940...*, с. 4.

⁶² Н. Эппле, *Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах*, Москва 2020, с. 310.

сохранить память о прошлом, перешедшем уже в историю, по сути, – идеологизированную, а также дать свидетельство сострадания жертвам катынского преступления. Вплетая в фабулу романа сюжетную линию о судьбе польского офицера, уцелевшего в Старобельском лагере и посвятившего свою жизнь борьбе за правду о Катыни, писательница сопротивляется стиранию из памяти «неудобного прошлого» и переписыванию истории. Мемуары Важинского, основанные на исторических фактах, в частности на биографии Юзефа Чапского, превращают роман в «место памяти» о катынском расстреле. Одновременно образ персонажа – человека честного, гордого, преданного делу и, в сущности, лишенного изъянов, – вписывается в идею о невинности жертв этого преступления, а также о несправедливости и равнодушии мировой общественности по отношению к выявлению исторической правды. Расхождение многих элементов в жизни героя романа и исторического прототипа можно воспринимать как обобщение – писательница представляет не столько судьбу одного человека, сколько многих поляков, стремящихся к исторической правде и почтению памяти жертв Катыни.

References

- Abarinov V., *Belyye pyatna: ot emotsiy k faktam*, «Literaturnaya gazeta» 11 maja 1988.
- Aksenov V., *Moskovskaya saga. Trilogiya, kn. 2 Voyna i tyur'ma*, Moskva 1994.
- Aksenov V., *V memuarakh rabotayet lozhnaya pamyat'*, [v:] Idem, *Zenitsa oka. Vmesto memuarov*, Moskva 2005.
- Assman A., *Zabveniyе istorii – oderzhimost' istoriyey*, transl. B. Khlebnikov, Moskva 2019.
- Bielak A., *Najbardziej intymna tęsknota – Polska w korespondencji Józefa Czapskiego*, „Konteksty Kultury” 2021, nr 18, z. 2.
- Chupasov V.B., *Al'ternativno-istoricheskaya fantastika v kontekste sotsiokul'turnykh transformatsiy*, [v:] *Kul't-tovary: fenomen massovoy literatury v sovremennoy Rossii*, sost. I.L. Savkina, M.A. Chernyak, Sankt-Peterburg 2009.
- Czapski J. i M., Herbertowie K. i Z., *Korespondencja*, odczytał i przypisami opatrzył J. Strzałka, Warszawa 2017.
- Czapski J., *Anders: Mówilem z nim o klimacie, o pejzażu, o kobietach*, [w:] <https://jozefczapski.pl/anders-mowilem-z-nim-o-klimacie-o-pejzazu-o-kobietach/>.
- Czapski J., *Łańcuch niewidzialny*, [w:] Idem, *Tumult i widma*, Kraków 2017.
- Czapski J., *Na nieludzkiej ziemi*, Kraków 2017.
- Czapski J., *Rozproszone. Teksty z lat 1925-1988*, zebrał i notami opatrzył P. Kądziela, Warszawa 2005.
- Czapski J., *Swoboda tajemna*, Warszawa 1991.
- Davies N., *Europa walczy 1939-1945. Nie takie proste zwycięstwo*, przeł. E. Tabakowska, Kraków 2008.
- Epple N., *Neudobnoye proshloye. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh*, Moskva 2020.
- Filippova Ye.I., *Istoriya i pamyat' v epokhu gospodstva identichnostey (beseda s deystvitel'nym chlenom Frantsuzskoy Akademii Istorikom P'yerom Nora)*, «Etnograficheskoye obozreniye» 2011, № 4.

- Gorbanevskaya N., *Prawda oczy kole. Posle prem'yery khudozhestvennogo kinofil'ma Andzheya Vaydy «Katyn'»*, «Novaya Pol'sha» 2001, № 10 (90).
- Gosduma prinyala zayavleniye «O Katynskoy tragedii i eye zhertvakh», [v:] <http://duma.gov.ru/news/5093/>.
- Gularyan A.B., *Zhanr al'ternativnoy istorii kak sistemnyy indikator sotsial'nogo diskomforta*, [v:] *Russkaya fantastika na perekrestke epokh i kul'tur*, red. Ye. Kovtun, V. Pishchenko, A. Royfe, A. Royfe, Moskva 2007.
- Gur'yanova A.V., *Narrativnaya kontseptsiya istoricheskogo poznaniya v tropologicheskoy teorii istorii Kh. Uayta*, [v:] *Nauka XXI veka: aktual'nyye napravleniya razvitiya: sbornik nauchnykh statey III mezhdunarodnoy zaochno-nauchno-prakticheskoy konferentsii (25 aprelya 2016 g.)*. Vyp. 1.: v 2-kh ch., otv. red. S.I. Ashmarina, Samara 2016.
- Hułas M., *Goście czy intruzi? Rząd polski na uchodźstwie – wrzesień 1939 – lipiec 1943*, Warszawa 1996.
- Jauss H.R., *Zastosowanie fikcji w formach oglądu i przedstawiania historii* [1982], [w:] *Opowiadanie historii w niemieckiej refleksji teoretycznohistorycznej i literaturoznawczej od oświecenia do współczesności*, wybór, przekł., oprac. J. Kałużny, Poznań 2003.
- Józef Czapski: *to był szok, oni wszyscy zostali zabici*, Polskie Radio 13.04.2022, [w:] <https://www.polskieradio.pl/39/156/Artykul/2288953,Jozef-Czapski-to-byl-szok-oni-wszyscy-zostali-zabici>.
- Kalinin I., *Vladimir Sorokin: Ritual unichtozheniya istorii*, «Novoye literaturnoye obozreniye» 2013, № 2 (120).
- Karlina N., *Pol'skaya tema v proizvedeniyakh Vasiliya Aksenova*, „Studia Rossica Posnaniensia” № 36, 2011.
- Katishonok Ye., *Dzhek, kotoryy postroil dom*, Moskva 2021.
- Katyn' w literaturze. Międzynarodowa antologia poezji, dramatu i prozy*, oprac. J.R. Krzyżanowski, Lublin 1995.
- Kokshenyova K., *Izzhivaniye real'nosti. Universal'naya porochnost' mira v sovremennykh tekstakh*, «Moskva» 1997, № 3.
- Korwin-Piotrowska D., *Białe znaki. Milczenie w strukturze i znaczeniu utworów narracyjnych (Na przykładach z polskiej prozy współczesnej)*, Kraków 2015.
- Lebedeva N., *Katyn'. Prestupleniye protiv chelovechestva*, Moskva 1994.
- Lebiediewa N., *Józef Czapski i jego rodacy w niewoli na „nie ludzkiej ziemi”*, przeł. J. Bernatowicz, [w:] J. Czapski, *Na nie ludzkiej ziemi*, Kraków 2017.
- Lobin A.M., *Avtorskiye kontseptsii rossiyskoy istorii v russkoy literature XXI veka*, Ul'yanovsk 2015.
- Madajczyk Cz., *Dramat katyński*, Warszawa 1989.
- Majcher A., *Zbrodnia Katyńska – 70 lat walki o prawdę*, [w:] *Katyn' 1940. Walka o prawdę*, red. W. Lis, Toruń 2012.
- Markiewicz H., *Historia a literatura*, „Pamiętnik Literacki” 2006, № 3.
- Niwierski R., *Katyn' – prawda i zakłamanie*, Stalowa Wola 2020.
- Nora P., *Problematika mest pamyati*, [v:] *Frantsiya-pamyat'*, transl. D. Khapayeva, Sankt-Preteburg 1999.
- Novokhatskiy D.V., *Roman D. Bykova «ZHD» v kontekste tendentsiy razvitiya sovremennoy russkoy literatury*, «Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnyye nauki» 2018, T. 160, kn. 1.
- «Oglyanis' v raskayan'i» – 30 let spustya, [v:] <https://hro.org/node/7895>.
- Pamiatnykh A., *Rosja a Katyn'*, [w:] *Rosja a Katyn'*, red. A. Dzienkiewicz, Warszawa 2010.

- Pasierb J.S., *Józef Czapski – Polak, artysta, chrześcijanin*, «Więź» 1993, № 3 (413), [w:] <https://wiesz.pl/2018/01/12/jozef-czapski-polak-artysta-chrzescijanin/>.
- Peszkowski Z., *Mysząc o Józefie Czapskim*, Warszawa 1994.
- Przewoźnik A., Adamska J., *Katyń. Zbrodnia, prawda i pamięć*, Warszawa 2010.
- Sawicki J.Z., *Katyń. Walka o prawdę*, [w:] *Katyń 1940. Walka o prawdę*, red. W. Lis, Toruń 2012.
- Shcherbenok A.V., *Sorokin, trauma i russkaya istoriya*, «Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaya i zarubezhnaya filologiya» 2012, vyp. 1(17).
- Siomkajło A., *Katyń w pomnikach świata*, Warszawa 2002.
- Solzhenitsyn A., *Arkipielag GULAG 1918-1956. Opyt khudozhestvennogo issledovaniya*, t. 1, Moskva 1990.
- Solzhenitsyn A., *Publitsistika: V 3 t.*, Yaroslavl' 1995, [v:] <https://ilya-prosto.livejournal.com/121314.html>.
- Uayt Kh., *Metaistoriya: istoricheskoye vobrazheniye v Yevrope XIX veka*, perev. pod red. Ye.G. Trubinoy i V.V. Kharitonova, Yekaterinburg 2002.
- Ubertowska A., *Świadectwo – trauma – głos. Literackie reprezentacje Holokaustu*, Kraków 2007.
- Układ Sikorski-Majski. Wybór dokumentów*, red. E. Duraczyński, Warszawa 1990.
- Vayl' P., Genis A., *60-ye. Mir sovetskogo cheloveka*, Moskva 1998.
- Walas T., *Literatura (kultura) jako selekcja i projektowanie doświadczenia. Casus: „mały realizm”*, [w:] *Kulturowa teoria literatury*. 2, red. T. Walas, R. Nycz, Kraków 2012.
- White H., *Literary Theory and Historical Writing*, [in:] Idem, *Figural Realism: Studies in the Mimesis Effect*, Baltimore-London 1991.
- Wieczorkiewicz P., *Historia polityczna Polski 1939-1945*, Warszawa 2005.
- Wysocki W.J., *Golgota Wschodu. Rzeczpospolita w imperialnej polityce Rosji*, [w:] *Katyń 1940. Walka o prawdę*, red. W. Lis, Toruń 2012.
- Yezhevskiy L., *Katyn' 1940*, transl. O. Shteyn i E. Shteyn, New York 1987.
- Zieliński J., *Józef Czapski. Krótki przewodnik po długim życiu*, Warszawa 1997.

NOTA O AUTORCE

Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak – doktor habilitowany, profesor Uniwersytetu Wrocławskiego. Pracuje w Zakładzie Literatury i Kultury Rosyjskiej Instytutu Filologii Słowiańskiej UW. Autorka książek: *Rosyjska poezja pokolenia „odwilżowego” w Polsce*, Wrocław 1997; *W poszukiwaniu sensu. O prozie Siergieja Dowlatowa*, Wrocław 2014 oraz licznych artykułów w czasopismach i monografiach zbiorowych.

ORCID: 0000-0001-8297-0630

Email: elzbieta.tyszkowska-kasprzak@uwr.edu.pl